

ЛИТЕРАТУРНАЯ КЛАССИКА В ДИАЛОГЕ С МИРОМ И ЧЕЛОВЕКОМ (К 150-ЛЕТИЮ М. ГОРЬКОГО)

А. Б. Удодов

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 2 января 2017 г.

Аннотация: рассмотрены основные этапы и тенденции общественного восприятия творческого наследия М. Горького в исторической ретроспективе; намечены современные методологические ориентиры в изучении личностно-творческого феномена писателя.

Ключевые слова: личностно-творческий феномен, общественное восприятие, историко-функциональный подход, диалогическая парадигма, самоорганизация, синергетика.

Abstract: the main stages and tendencies of social perception of the M. Gorky's literary heritage have been considered from the historic retrospective. In addition, modern methodological guidelines in examining the author's phenomenon have been pointed out.

Keywords: author's phenomenon, social perception, functional historic approach, dialogic paradigm, self-organization, synergetic.

Обращение к «юбилейным» датам в истории литературы традиционно предполагает в области научной рефлексии обозначение определённых итогов и перспектив — как неких результатов, претендующих на достоверность и «истинность» для текущего момента современности. Не абсолютизируя подобного рода претензий, представляется уместным на сегодня акцентировать предметную область разговора о Горьком в плоскости определённого *процесса* — того, что генерировалось и аккумулировалось в поле общественного восприятия «вокруг Горького» и по-своему отражало динамику общего и особенного для его личностно-творческого феномена.

История такого рода процессов соединяет уже три столетия — от конца XIX до начала XXI; есть все основания характеризовать это формулой «жизни в веках», ставшей в русле историко-функционального подхода по-своему традиционной для определения литературной классики [1, 3—4; 2, 3—4]. Вместе с тем в ряду других «классических» писательских персоналий обнаруживается и явная экстраординарность фигуры Горького — в том числе и по величине амплитуды ее противоречивых оценок на протяжении большого исторического времени.

Ставшее достаточно традиционным осмысление Горького как одного из лидеров отечественной культуры постоянно пересекалось с противоположной тенденцией: от заявлений о «конце Горького» (1910-е годы) и его «рenegатстве» (1920-е), — до его «разоблачений» на рубеже 1980—1990-х годов.

Полярность таких оценочных концептов («великий писатель» или вообще «не писатель») иллюстри-

руется и явственной разногласией в важнейших конкретных аспектах общественного восприятия и научного изучения горьковского феномена. Уже с первых шагов начинающего автора в литературе определились противоположные решения критикой проблемы традиций и новаторства в поэтике и эстетике Горького. Для одних он представал «прямым потомком» классической отечественной традиции, а для других — явлением принципиально новым, идентифицируемым и с модернизмом, и с «пролетарским» началом классового искусства. В осмыслении современниками ценностных ориентаций художника он виделся и «апостолом добра», и проводником «цинизма, насилия, похоти». Горьковские герои характеризовались и как «бегущие от дум», и как «рабы разума». Сам же автор представлялся в одних случаях как «писатель в высшей степени объективный», в котором «тенденциозности нет и следа», а с иной точки зрения, напротив, как крайне тенденциозный, до «субъективного неистовства» [3, 219—229].

В подобных проблемно-тематических координатах тот «всероссийский разговор» [4, 4] о Горьком, который складывался на рубеже XIX—XX веков, был продолжен как, по сути, «всероссийский спор», не утихающий и к началу XXI столетия. К примеру, в традиционном для горьковедения вопросе о художественном методе писателя можно видеть крайние категоричные суждения, — с одной стороны, о том, что Горький «безусловный» реалист, а с другой, — что он «всецело укладывается в рамки романтического мировосприятия». Наряду с этим достаточно устойчива точка зрения, согласно которой «поляризация» произведений писателя на романтические и реалистические была характерна для всего его творчества.

До конца 1990-х годов еще продолжали бытовать оценки Горького как «социалистического реалиста»; этому противостояли утверждения других исследователей — о «неистребимом отвращении» писателя к реализму вообще [5, 122—132].

Рассмотрение горьковской концепции человека в ее проекции на национальный характер так же обнаруживает свою историю полярных разночтений. Одна из традиций XX столетия — обоснование концепции «цельной личности» при определении доминант изображения человека в творчестве писателя. Основой «цельности» представал «новый гуманизм» — идеология революционного переустройства жизни [6, 172—179]. При этом Горький выделялся как писатель, подведший в известной мере итоговую черту под «пестротой» и «незавершенностью» национального характера, художественно изобразивший переход от «задумавшегося» человека — к человеку, обретавшему смысл жизни на основе «монолитной убежденности», «прочного идеологического стержня» [7, 220—232]. Подобного рода целостность трактовалась в конце XX столетия уже не как новаторство писателя, а, напротив, как шаг назад по сравнению с предшествующей литературной традицией изображения человека; вместе с тем положение о доминантной роли «цельной» или «завершенной» личности у Горького оставалось здесь неизменным [8, 5].

В иной же исследовательской традиции заявлялась во многом противоположная точка зрения. При выделении, например, в горьковском творчестве двух типов личности — «анормативного» («пестрые души», «выламывающиеся» люди) и «нормативного» («цельный» человек с рационально выстроенной духовностью), — утверждалось, что именно первый из них «прежде всего определяет ценности художественного мира писателя» [9; 20, 24].

Наряду с дискуссионностью обобщающе-теоретических вопросов в осмыслении горьковского наследия по-своему показательны и «индивидуальные» судьбы его наиболее значительных произведений в динамике общественного восприятия. Так, пьеса «На дне», которая в известной мере явилась итогом раннего творчества писателя и одновременно намечала ряд магистральных художественных перспектив его последующего творчества, — не имеет аналогов в отечественной драматургии XX века по степени неослабевающего внимания к произведению и ожесточенности споров о нем. История ее интерпретаций — в театре, критике, литературоведении, образовательной практике — показывает известную регулярность смены акцентов при определении ее главного героя, актуализацию разных аспектов ее содержания, круг которых постоянно расширяется [10, 79—87].

В приведенных выше своего рода «контрольных срезах» общественного восприятия горьковского феномена на протяжении более чем столетнего

периода явственно просматриваются некие магистральные тенденции. С одной стороны, это стремление к нахождению конечных, однозначных ответов и «объективных» истин, установка на «снятие» противоречий и формирование целостно-монолитного представления о художнике. Такой путь означал исторически складывавшийся процесс мифологизации образа писателя (как в позитивных, так и в негативных мифологемах по разные стороны политических баррикад) [11, 79—87]. В русле противоположной тенденции «кричащие противоречия» Горького не только не подвергались попыткам «снятия», но напротив, всячески акцентировались и порой абсолютизировались; писатель представал фигурой «трагической», где значима была прежде всего энергия распада, энтропия творческого дара и творческого наследия [12, 129—137].

Таким образом, в истории осмысления горьковского личностно-творческого феномена к началу XXI столетия сформировались два различных подхода — монологически-редуцирующий и релятивистско-дезинтегрирующий. Их укорененность и разработанность искушает признать самодостаточность каждого де-факто. Но столь же объективная динамика их *взаимодействия*, — как в синхронном, так и в диахронном плане, — предстает тем «фактом», который требует первоочередного внимания и поиска объяснений стабильно-интенсивного и во многом парадоксального функционирования горьковского феномена.

«Мысли и чувства мои никогда не уравновесятся», — утверждал писатель [13, 38]. Как представляется, состояние такой *устойчивой неравновесности* по-своему адекватно отражено и в процессах общественного восприятия, что, в свою очередь, отражает адекватность более глубинного уровня: органическую укорененность Горького в горизонте отечественной культуры и ментальной специфике национального самосознания с его «универсализмом» и антиномичностью, «всемирной отзывчивостью» и тягой к «соединению несоединимого».

В свете вышесказанного на современном этапе актуализируется ряд аспектов *синергетического подхода* применительно к области литературоведения, где явления литературного процесса рассматриваются в феноменах *самоорганизации*, — как сложные развивающиеся системы, циклично проходящие стадии *неустойчивого равновесия/устойчивого неравновесия* [14, 14—16]. Такой подход видится сегодня продуктивным для изучения писательских персоналий в корпусе литературной классики, где фигура М. Горького предстает одной из наиболее репрезентативных. При этом интенции к «преодолению мифа» по отношению к Горькому, обозначившиеся для нас еще на рубеже 1980—1990-х годов [11, 79—87], предполагают в качестве альтернативных «реалий» уяснение системной многосложности горьковского феномена,

несводимого к однозначным определениям-мифологемам [15, 3—37]; такого рода подходы предстают в качестве одной из магистральных тенденций горьковедения на современном этапе, что демонстрируют и работы ведущих отечественных специалистов последних лет [16].

Перефразируя известное высказывание В. Г. Белинского о Пушкине, можно полагать, что Горький принадлежит в истории отечественной и мировой культуры к тем «вечной живущим и развивающимся явлениям», о которых «каждая эпоха произносит... своё суждение», хотя «ни одна и никогда не выскажет всего» [17, 555]. И, как убеждаемся ныне, атмосфера дискуссионности и вместе с тем тотальная социокультурная «эксплуатация» горьковского наследия подчеркивают устойчивое расширение *диалогической* ауры вокруг писателя, его открытость для постоянного наращивания новых смыслов, что и служит источником энергии для его «жизни в веках».

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская литература в историко-функциональном освещении / Отв. ред. Н. В. Осьмаков. — М.: Наука, 1979. — 302 с.
2. Литературные произведения в движении эпох / Отв. ред. Н. В. Осьмаков. — М.: Наука, 1979. — 288 с.
3. Удодов А. Б. Феномен М. Горького как эстетическая реальность: генезис и функционирование (1880-е — начало 1900-х годов) / А. Б. Удодов. — Воронеж: ВГПУ, 1999. — 268 с.
4. Анчиполовский З. Я. Времена Максима Горького (Судьба драматургии писателя в провинциальных городах России начала XX века) / З. Я. Анчиполовский. — Воронеж: Логос, 1993. — 202 с.
5. Удодов А. Б. «Мировоззрение» и «художественный

метод» Горького: проблемы изучения и понятийно-смысловой коррекции // Вестник ВОИПКПРО. — Вып.10. — Воронеж: ВОИПКПРО, 2003. — С. 122—132.

6. Красунов В. К. Концепция цельной личности в раннем творчестве Горького: дис. ... канд. филол. н. / В. К. Красунов. — Горький, 1984. — 196 с.

7. Пискунов В. Тема о России / В. Пискунов. — М.: Сов. писатель, 1983. — 376 с.

8. Гудов В. А. М. Горький и Ф. М. Достоевский: концепция личности: дис. ... канд. филол. н. / В. А. Гудов. — Екатеринбург, 1996. — 346 с.

9. Келдыш В. А. О системе ценностей в раннем творчестве М. Горького / В. А. Келдыш // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 1993. — Т. 52. — № 4. — С. 20—25.

10. Удодов А. Б. «На дне» М. Горького: столетие «жизни в веках» / А. Б. Удодов // Филологические записки. — Воронеж, 2002. — Вып. 18. — С. 89—95.

11. Удодов А. Б. Горький: преодоление мифа / А. Б. Удодов // Литература в школе. — 1991. — № 4. — С. 79—87.

12. Басинский П. Логика гуманизма. Об истоках трагедии Максима Горького / П. Басинский // Вопросы литературы. — 1991. — № 2. — С. 129—137.

13. Горький М. Собр. соч.: В 30 т. / М. Горький. — М.: ГИХЛ, 1954. — Т. 28. — 600 с.

14. Литературный процесс и судьбы цивилизации XX века / под ред. А. Б. Удодова. — Воронеж: ВГПУ, 2002. — 139 с.

15. Русская литература XX века: поиск ориентиров. Часть I. Мифы и реалии / под. ред. А. Б. Удодова. — Воронеж: ВГПУ, 1995. — 172 с.

16. Спиридонова Л. А. Настоящий Горький. Мифы и реальность / Л. А. Спиридонова. — М.: ИМЛИ РАН, 2013. — 440 с.

17. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. / В. Г. Белинский. — М.: ГИХЛ, 1954. — Т. IV. — 680 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Удодов А. Б., профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы

E-mail: kaf214@yandex.ru

Voronezh State Pedagogical University
Udodov A. B., Professor of the Russian Language, Russian and Foreign Literature Department
E-mail: kaf214@yandex.ru